МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VIII (XXII)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(15–17 апреля 2021 г.)

Выпуск 22

Томск
Издательство Томского государственного университета
2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY
Faculty of Philology

ACTUAL PROBLEMS OF LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

Proceedings of the VIII (XXII)
International Scientific and Practical Conference
of Young Scientists
(April 15–17, 2021)

Issue 22

Tomsk
TSU Press
2021

3. Матхаузерова С. Функция времен в древнерусских жанрах // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27. Л. : Наука, 1972. С. 227–235.

4. Субботин Н.И. Материалы для истории Раскола за первое время его существования: сочинения бывшего Благовещенского собора дьякона Феодора Иванова. Т. 6. М. : Типография Э. Лисснер и Ю. Роман, 1881. 336 с.

DOI: 10.17223/978-5-907442-02-3-2021-95

ОСОБЕННОСТИ АГИОГРАФИЧЕСКОГО ЗАМЫСЛА «ЖИТИЯ ВЕЛИКОГО ГРЕШНИКА»

Шилова А.С.

Томский государственный педагогический университет, аспирант

FEATURES OF THE HAGIOGRAPHIC DESIGN OF THE «LIFE OF THE GREAT SINNER»

Shilova A.S.

Tomsk State Pedagogical University, postgraduate student

Целью статьи является анализ особенностей агиографического замысла в неосуществленном произведении Ф.М. Достоевского «Житие Великого грешника» (далее – «Житие»). Определение замысла выстраивается через изучение проблематики «Жития», при этом значимая роль отводится аксиологической содержательности, поскольку именно она, на наш взгляд, имеет глубинные основания в идейной особенности произведения. Особое внимание уделено изучению важнейших ценностных категорий, таких как святость и духовность, именно они становятся ядерными компонентами житийной традиции, а также позволяют осмыслить репрезентацию задумки ненаписанного произведения Достоевского.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, роман «Житие Великого грешника», агиография, святость, духовность, аксиология, ценность, идеал, человек.

The purpose of the article is to analyze the features of the hagiographic tradition in the unrealized work «The Life of the Great Sinner» by F.M. Dostoevsky. Due to the study of genre and problematics of «The Life of the Great Sinner», a significant role to axiological content is assigned, since it has deep foundations in the ideological peculiarity of the work. Particular attention is paid to the study of the most important value categories: holiness and spirituality, it is they that become the nuclear components of the hagiographic tradition, and also make it possible to comprehend the representation of the idea of the unwritten work of Dostoevsky.

Key words: F.M. Dostoevsky, the novel «The Life of the Great Sinner», hagiography, holiness, spirituality, axiology, value, ideal, man.

Научный руководитель: А.Н. Кошечко, д-р филол. наук, профессор ТГПУ.

Не представляется возможным анализировать замысел «Жития Великого Грешника» (далее – «Жития») Ф.М. Достоевского, опираясь на сло-

жившуюся систему исследования житийного жанра древнерусской словесности, так как текст содержит в себе авторскую модификацию жития. Достоевский, несомненно, уважал и чтит наследие древнерусской словесности, но обращение писателя к агиографической традиции не ограничивается мотивом заимствования жанровой структуры жития или следованию его сложившейся канонической модели [1–3]. При исследовании замысла неосуществленного произведения значимая роль отводится аксиологической содержательности «Жития», поскольку именно она, на наш взгляд, имеет глубинные основания в идейной особенности произведения. Ценностные ориентиры главного героя могут быть интерпретированы только вследствие анализа авторских задумок, поскольку не представляется возможным оценить сложившийся духовный портрет героя, его поведенческие особенности при взаимодействии с другими персонажами в сюжетной логике романа. Единственным источником к пониманию аксиологического портрета главного героя «Жития» становятся одиночные характеристики его поступков, мыслей или ощущений, но зачастую описания мотивов отсутствуют.

Герой «Жития» оказывается в эпицентре выбора между двумя полярностями, в одном случае выбрать «мир с Богом» [4. С. 95], устремиться к идеалу святости, главными ориентирами в определении жизненного пути становятся духовность и нравственность, с другой стороны – руководствоваться личными желаниями в определении границы между добром и злом, признавать свою индивидуальность выше других, поставить материальный достаток выше духовного развития. Осмысление темы святости для Достоевского неразрывно связано с ценностным укладом православного мира. Исходя из парадигмы православного мировосприятия, обращение к жанру жития становится ценным опытом в поставленных писателем вопросах. В привлечении ресурса агиографической литературы Достоевский создает замысел для уникального текста, аналогов которому не обнаруживается в русской литературе ни во время жизни писателя, ни в последующих веках. В жизнеописании главного героя, на протяжении всей жизни, отличительной чертой является амбивалентность. Регулярные противопоставления, обозначающие центральную идею об определении человеческого идеала, представляют перед читателем три ключевые проблемы будущего романа.

В период детских лет, с одной стороны, душевные порывы героя имеют прямые отсылки к поведенческим особенностям, присущим житийному герою: кротость, смирение, прилежность, желание обрести жиз-

ненный пример в образе Христа. Вот несколько примеров в описании детских лет героя в подтверждение вышесказанному: *«Обучение и первые идеалы. Тайно выучивается всему»; «Случилось воровство. Его винят, он не оправдывается»* [5. С. 126]. С другой стороны, именно эти примеры становятся превалирующими в образном мире героя, в поведении мальчика уже заметны проявления надменности, расчетливости жесткости. У героя отсутствует понимание ценностей внутри семьи, герой, будучи ребенком, видит разврат, открытые измены отца и мачехи. Помимо этого, нарушена связь между героем и его отцом, отношения между ними испорчены. Восприятие семейных взаимоотношений искажено, отсутствие авторитета внутри семьи не проходит бесследно, впоследствии во время пребывания в пансионе *«удивляет своим зверством»* [5. С. 127]. Таким образом, первая проблема – это **роль воспитания в процессе становления личности**, период детства для героя Жития служит основой для особенностей его мировоззрения в будущем.

Далее, в ходе развития сюжетных событий жизнеописания героя, перед читателем должен предстать портрет человека, отражающего вторую важную проблему романа – **материализацию души и пренебрежение духовным миром человека**. Герой сконцентрирован на обогащении как признаке превосходства над другими, ему присуще убеждение, что ощущение неповторимости и собственной значимости может быть достигнуто путем обретения материального богатства. Несмотря на это, душевный порыв героя к пониманию идеала силен и становится движущей силой на пути его обретения. Желание достижения материального успеха оказывается недостаточным в вопросе поиска истинных ценностей: *«Хотя деньги и страшно его устанавливают на известной твердой точке и решают все вопросы, но иногда точка колеблется (поэзия и много другого), и он не может найти выхода. Это-то состояние колебания и составляет роман»* [5. С. 130]. Ценностная позиция героя не сформирована, он не уверен в верности своих мыслей и поступков, его одолевает стремление к поиску идеала: *«И наконец, он кается и мучается совестью в том, что ему так низко хочется быть необыкновенным. Впрочем, он сам не знает, чем он будет»; «Чистый идеал свободного человека мелькает перед ним иногда»* [5. С. 136].

По вере взросления героя перед читателем предстает портрет жестокого, хладнокровного, алчного человека, он чувствует *«неуважение к окружающим людям, но еще не по рассудку, а единственно по гадливости к ним»* [5. С. 127]. Гадливость становится имманентным чувством

героя, появляется «с самых детских лет» и не покидает его на протяжении всей жизни. Проявление ненависти, отвращения, брезгливости свойственны Великому грешнику и составляют подавляющее большинство, в сравнении с положительными чувствами и эмоциями. Однако от этих проявлений неотделима и другая сторона героя, молодой человек сохраняет в себе одиночные предпосылки к духовному развитию, желанию приобщиться к Богу: «Он уставляется наконец на Христе, но вся жизнь – буря и беспорядок» [5. С. 128]; «Презирает ложь со всей силы» [5. С. 127]; «Полоса неверия в бога. NB. Непременно о том, как действовало на него Евангелие. Согласен с Евангелием» [5. С. 132]. Великий грешник провозглашает себя атеистом, но спустя время «сливает с Библией» [5. С. 135].

Завершение жизни героя «Жития» предполагает неоднозначный финал, его смерть не является завершением жизненного пути, которое присуще святому, в этом случае с героями житий, даже после страдальческой, мученической смерти происходят посмертные чудеса как символ святости, блаженности. Казалось бы, в конце жизненного Великий Грешник обретает некоторое прояснение в своей раздвоенности: «от гордости и от безмерной надменности к людям он становится до всех кроток и милостив – именно потому, что уже безмерно выше всех» и «умирает, признаваясь в преступлении», а также приходит к выводу, «чтоб победить весь мир, надо победить только себя. Победи себя и победишь мир» [5. С. 139] (именно эту мысль Достоевский выделит как главную в романе). С другой стороны, герой не преодолевает свою противоречивость в полной мере, убеждения из прошлого не покидают его, герой не приходит к ясности в осмыслении собственного идеала и жизненных ценностей. В этом выражена третья проблема неосуществленного романа – **отсутствие гармонии в понимании самого себя, собственного окружения, что неизбежно приводит людей к ощущению несчастья**. Происходит негласное повторение жизненного цикла: люди, не чувствующие себя счастливыми, не имеют собственного ресурса для воспитания новых личностей в счастье, любви, доброте, заботе. В образе героя «Жития», с одной стороны, есть внутренняя тяга к обретению всех светлых сторон счастливой жизни, желанию возвысится духовно, но в то же время – это человек с мрачными, порой радикально опасными мыслями, его жестокость, хладнокровность и расчетливость имеет мощную силу, идущую корнями из самого детства.

Подобная разноплановость, даже противоречивость характеристик главного героя не разрушает самодостаточности образа. Самодостаточ-

ность эта создается в результате целостности авторской идеи. Для Достоевского стремление воплотить в романе сложный процесс поиска смысла человеческой жизни, предназначения человека на его жизненном пути имело особое, сакральное значение. Определение смысла жизни человека неразрывно связано с ценностями, которые он транслирует. «Фактически ситуация отпадения человека от ценностей традиционной русской культуры фиксирует ключевую особенность мышления Достоевского: речь идет о ставшем во многом хрестоматийном утверждении о полярности идеологического содержания произведений писателя и его собственного мышления, о принципе *pro et contra*. *Pro et contra* у Достоевского – это не признак формы, это феноменологический фундамент экзистенциального сознания, это зафиксированная в ментальной структуре личности ситуация выбора, которая текстуально манифестируется то в точке плюса, то в точке минуса. Путь к полюсу положительного начинается с отказа от эгоизма и ведет через покаяние к возрождению. Эта логика духовного пути личности является экзистенциальной по своей природе и невозможна без веры в Бога» [6. С. 113].

«Путь к Богу по Достоевскому начинается в точке предельного удаления от Бога. <...> Биографическое единство героя было лишь условной композиционной формой. Задача, которую решал Достоевский, состояла в другом: не ограничиваясь тем или иным частным случаем, обнять весь спектр попыток существования человека вне Бога, все варианты препятствий, возникающих на путях его к Богу, и лишь в результате, в итоге утвердить идею Бога как *единственное* твердое жизненное основание» [7. С. 297]. В «Житии» транслируется пример утверждения человека в вере и желании быть в диалоге с Богом. Для Достоевского это значимый критерий в обращении к наследию агиографической традиции. Но важно понимать, что Достоевский не агиограф, воплощение идеологии в художественном тексте имеет авторскую особенность писателя-романиста, которая выделяется среди прочих представителей XIX в., интегрирована включенностью писателя в кризисную действительность эпохи с одной стороны, а с другой стороны – уникальностью понимания и интерпретации общечеловеческих вневременных процессов.

Безусловно, житие – это априори пример жизнеописания высоконравственного человека, поскольку речь идет о святом. Достоевский не стремится изобразить святого, однако ему важно сказать о святости в картине мира человека, и абсолютно не важно, идет ли речь про грешника, преступника, маргинала, поскольку святость для писателя – это та особая

категория, которая может проникать в души и сердца абсолютно любого человека. Представление о святости, приобщение к ней необходимы человеку в понимании истинных и ложных ценностей, осознании нравственного образца.

Литература

1. Кусков В.В. История древнерусской литературы : учеб. для филол. спец. Вузов. 7-е изд. М. : Высш. шк., 2003. 336 с.
2. Пономарева Г.Б. Достоевский. Я занимаюсь этой тайной. М. : Русский мир, 2018. 448 с.
3. Лепяхин В.В. Иконичная агиография / Образовательный портал «Слово» URL: <https://www.portal-slovo.ru/art/35902.php> (дата обращения: 10.05.2021).
4. Кошечко А.Н. «Мир с Богом» и «мир без Бога»: религиозный и атеистический типы духовности в экзистенциальной аксиологии романа Ф.М. Достоевского «Бесы» // Сибирский филологический журнал. 2014. Вып. 3. С. 94–104.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 9. Л. : Наука, 1974. 528 с.
6. Кошечко А.Н. Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф.М. Достоевского : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2014. 312 с.
7. Достоевский: Сочинения, письма, документы : словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб. : Пушкинский дом, 2008. 470 с.

DOI: 10.17223/978-5-907442-02-3-2021-96

РАССКАЗЫ «НЕПРИЯТНАЯ ИСТОРИЯ» (1887) И «НЕПРИЯТНОСТЬ» (1888) В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аль Аббуди М.А.Н.

Томский государственный университет, аспирант

STORIES «UNPLEASANT HISTORY» (1887) AND «UNPLEASANTNESS» (1888) IN THE PROSE OF A.P. CHEKHOV: A COMPARATIVE ANALYSIS

Al Abboudi M.A.N.

Tomsk State University, postgraduate student

Данная статья посвящена сопоставительному анализу двух рассказов А.П. Чехова: «Неприятная история» (1887) и «Неприятность» (1888); их сопоставительный анализ в науке о предпринимается впервые. В процессе анализа были выделены особенности чеховского нарратива, объединяющие эти два произведения с синонимичными названиями.